

XXXII. Петербург, 1844, III. 21.

/Дорогой Жак!/

С. Петербург 9/21 марта 1844.

Через четверть часа отправляется в Рим курьер, который доставит тебе, мой дорогой брат, этот крылатый привет от меня; надеюсь, он застанет тебя в добром здравьи и полном благополучии. Правда, я уже в течение долгого времени не имею новостей от тебя из Кенигсберга,¹⁾ но зато блик-тени о тебе, которые часто встречаются в газетах, вполне удовлетворительны.²⁾ Я теперь только из за тебя выписываю "Гамбургского корреспондента". Как я был-бы однако счастлив получить известия непосредственно от тебя. И с твоей стороны разве не несправедливо связывать эти известия с тем обстоятельством, что я должен написать первый; я, которому теперь, сам не знаю почему, стало ненавистным всякое писание; который с утра до вечера занят разными работами; который прошлое лето до глубокой осени бесконечно мучался³⁾ и сейчас чувствует себя в достаточной мере усталым. Тебе, который живет в сладчайшем ^(Süßem) ~~fatumite~~ в Риме, окруженный всеми приятностями климата, искусства и образования,⁴⁾ который не знает, куда девать досуг, предмет величайшей моей зависти, и которому должно бы доставить счастье хотя-бы изобразить волшебными чертами очаровательные картины своему прозябающему при 25⁰ мороза брату, чтоб он мог хорошенько представить их себе с закрытыми глазами. К этому еще счастье - быть окруженным своими друзьями и знакомыми. Как я предполагаю, Штейнер также в Риме. Конечно там, где король, там должен быть и его хвост и его опахало

от мух.⁵⁾ Ведь действительно, какую он еще мог-бы заслужить большую честь, чем отмахивать от царя ⁶⁾ мух и прохлаждать его опахалом во время его сиесты, а когда он прикажет, подавать ему шербет и трубку. За одно это он заслужил маленький серебряный крестик ⁷⁾, который ему привесили, тогда как другие люди ⁸⁾ бегают с 4 штуками эмалированных крестов и скоро получают еще и другие. Пока Штейнер и я живы, нам непременно надо увидаться и посмеяться друг другу в лицо. После нашей смерти будет уже поздно. Говорят, ты хочешь перейти в Бонн.⁹⁾ Напиши-же мне об этом... Фусс вспоминает о тебе с большим преклонением и любовью.¹⁰⁾ Найдено еще значительное число законченных работ. Я надеюсь, что скоро можно будет осуществить полное издание трудов Эйлера.¹¹⁾

Ну, будь благополучен, дражайший брат, да сохранит тебя небо и да пошлет тебе здоровья и процветания. Не забывай своего

Сердечно тебя любящего брата

Морица.

ПРИМЕЧАНИЯ:

I) Во время путешествия К.Г.Я.Якоби по Италии Мориц Я: не получал никаких непосредственных известий от него, но нередко знал о нем косвенно от матери, жившей тогда в Кенигсберге, на основании писем К.Г.Я.Якоби к его жене, оставшейся в Кенигсберге; для заполнения этих пробелов в Переписке, здесь в примечаниях приводятся выдержки из этих чрезвычайно подробных и интересных писем.

2) "Только здесь", пишет К.Г.Я.Якоби своей жене из Рима /в середине дек. 1843/ "я чувствую себя настолько полным сил, что если-б я мог одновременно быть вблизи тебя и работать еще только 10 лет с этой почти юношеской силой, охотой и бодростью, я задушил-бы мир математическими работами. Штейнер напел большую разницу между моим усталым состоянием в Берлине и тем, в каком он встретил меня во Флоренции; но и между Флоренцией и здешним моим состоянием он усматривает очень большую разницу, которую приписывает своему надзору за мной".

3) Вероятно из-за осуществлений в 1843 г. телеграфной линии Петербург-Царское Село /см. письмо XL, стр. 122 вместе с примеч. 3, стр. 124/.

4) Жизнь Якоби в Италии действительно сложилась в высшей степени интересно и разносторонне: он не только вращался в ученых и артистических кругах, но сделал вне этих кругов множество интересных знакомств и наблюдений. Так, например, он с истинным увлечением слушал проповеди известнейших церковных ораторов, в особенности Джиакино Вентура /1792-1861/; затем ганноверский министр-резидент Август ф. Кестнер, сын Шарлотты Кестнер, урожд. Буфф, пожелал написать выразительную голову великого математика и в благодарность за сеанс согласился прочесть ему письма Гете к родителям Кестнера, известные в то время лишь узкому кругу и опубликованные лишь в 1854 г. Об этом Якоби очень подробно и с интересом сообщает своей жене. Чтобы описать некоторых "тиранов", о которых Якоби упоминает мимоходом в своем сле-

душем письма, заметим, что в одном обществе у прусского министра-резидента барона Ф.Бух, он познакомился с наследным князем Липпе-Детмольдским, что он был принят в длительной аудиенции великим герцогом Тосканским /см. примеч. 3 к письму LXIX/, который при второй встрече представил его своему молодому зятю, принцу, в настоящее время принцу-регенту Луитпольду Баварскому, очень настойчиво приглашавшему Якоби посетить его в Мюнхене, если он поедет обратно через этот город /письмо Якоби от 14 дек. 1843/. Папа Григорий XVI - также принял Якоби и Дирихле в особой аудиенции /28 дек. 1843/, о чем сообщает между прочим упомянутым выше Морицом Я. "Гамбургский Корреспондент", II от 12 янв. 1844/. См. еще следующее письмо /XXXIII/ вместе с примечаниями 4, 6, 8, 9, II, 14, 17. - О своих ближайших римских друзьях К.Г.Я. Якоби пишет своей жене незадолго до отъезда из Италии /Неаполь, 25 апреля 1844/: "Я не без грусти расстался с Римом; моя математика, особенно *раде* ^{Калини} Калини, с удовольствием носили-бы меня на руках; Браун /см. следующее примеч./ и его жена до последнего момента проявляли ко мне величайшую сердечность /см. также письмо LXXV с примеч. 4/. Если вы дома будете со мной неприветливы, я сейчас же уеду обратно в Рим. Ибо *раде* Калини никогда на меня не сердился, когда я на него ворчал, за что Штейнер зачастую сильно упрекал меня".

5) Действительно, К.Г.Я.Якоби чаще всего встречался в Италии со Штейнером; приведем по этому поводу лишь несколько мест из писем Якоби к жене...

6) Штейнер называл К.Г.Я.Якоби "*Рех*" /царь/, см.

письмо Штейнера К.Я., опубликованное Э.Янке / *Arch. der Math. und Physik* (3), IV (1903), стр. 269 и д./

7) Красный орден Ора 4 ст.

8) М.Г.Якоби, согласно послужному списку, имел тогда 4 ордена: два русских, прусский (см. стр. 75 прим. 3) и датский.

9) Первоисточником для Морица Якоби в отношении этого известия был вероятно Фусс (см. следующее примеч., но также и примеч. 20 к след. письму).

10) "Здесь в Берне", пишет К.Г.Я.Якоби своей жене 17 авг. 1843, "вчера у меня был сюрприз - ко мне вошел ст. советник Фусс, секретарь Петерб. Ак. Наук, который был со своим братом в Париже и узнал о моем пребывании здесь.

II) Фусс в 1843 г. нашел пачку неизданных работ Эйлера, которые хотя и сохранялись его семьей, но считались уже напечатанными рукописями (см. "*Leop. Euleri Comment. arithm. coll. Proemiū, p. VII*"). В заседании Академии 8 марта 1844 (ст. ст.) Фусс сделал более подробное сообщение о своей находке и поднял при этом случае вопрос об осуществлении полного собрания сочинений Эйлера, план, который уже обсуждался неоднократно и в пользу которого особенно горячо агитировал Остроградский в частных кругах петербургских академиков...

Из письма К.Г.Я.Якоби к М.Г.Якоби № XXXVIII от 25. XI. 1844.

..... Большая публика всюду была в полном отчаянии, что

это был я, а не ты; 9) *Monsieur*, мы здесь часто использовали Ваш метод позолоты... *Radon, Monsieur* и т.д. 10) Твоя поклонница мистрис Коммерваль, добродушная старая дамочка, страшно горда тем, что ты ей послал твои первые пластинки, которые она выписала к себе во Флоренцию и приводила ими в изумление великого герцога; она в такой мере говорила только о тебе, что привела и Дирихле, и меня в величайшую веселость и г-жа Дирихле написала мне к Рождеству на своем подарке, "*al fratello del celebre Jacobi*" (брату знаменитого Якоби) 11).

Так как твоя специальность не имеет представителей в Академиях, то тебе не везет с академическими почестями. Здесь в мат.-физ.-естественноисторич. отделении число корреспондентов установлено в 100 чел., и они распределены по отдельным специальностям. Тебя хотят выбирать только вместе с Ленцом, но сначала еще Даниэля, Зибера, Уитстона, Реньо, Пелуза 24). Вероятно, тебя предложит Магнус. Неблагоприятно то, что твои важнейшие работы - не те, которые ты можешь опубликовать....

ПРИМЕЧАНИЯ:

9) Мориц здесь в Италии пользуется, как и в Англии и Германии, величайшей популярностью, так что здесь - я его брат, тогда как во Франции он мой брат", пишет К.Г.Я. Якоби своей матери в ноябре 1843 г. из Флоренции, а в письме из Рима (дек. 1843) он пишет своей жене: "Я присутствовал здесь также на празднике художников, который они давали в честь Корнелиуса, и пригласили меня... На обеде один худож-

ник /Тальман/ см. С. Гензель, "*Die Familie Mendelssohn*" I изд. т. III 1879, стр. 78/, бывший инженер, предложил выпить за здоровье Дир/ихле/ и мое, как представляющих здесь науку, настоящую, практическую науку. Это было для меня слишком сильно; я объявил, что не принимаю тоста, т.к. выское в науке, как и в искусстве всегда непрактично, и я за это стою; художники поняли и превозгласили тост за непрактическую науку. Очевидно, он принял меня за Морица, и хотел сделать любезность. Позолотчики здесь совершенно безутешны, что я не Мориц. Можно поистине сказать, что сейчас нелегко завоевать такую популярность".

10) "*Pardonn, Monsieur, je ne suis pas moi, je suis mon frere*" ("Простите, я - это не я, я - мой брат") - К.Г.Якоби в подобном случае ответил что-то вроде этого.

11) О своем и Дирихле посещении "знаменитой английской женщины-математика и физика" К.Г.Я.Якоби писал своей жене /25 янв. 1844, Рим/: "Нас очень забавляло, что и здесь я опять был известен только через Морица, который сразу, сделав свое открытие, послал ей гальваноэлектрическую копию с надписью; она с гордостью хранит ее до сих пор. Мне и Дирихле было ужасно смешно, что она начинала каждую фразу с "*Monsieur votre frere*", и я пришел благодаря этому в такое веселое настроение, что когда я потом шел с Дирихле домой, его жена была совершенно очарована моей любезностью, и обещала мне засвидетельствовать это перед тобой". См. также "*Famille Mendelssohn*" т. II, стр. 272. - Другой даме Якоби, на вопрос: "Вы брат знаменитого Якоби?" от-

ветил: "Нет, это мой брат" /см. "Себастиан Гензель, *ein Lebensbild aus Deutschland's Lebensjahre*" (2 изд. 1904, стр. 135).

24) Все здесь упомянутые лица, кроме умершего вскоре /1845/ Даниэля, были избраны членами-корреспондентами Берлинской Академии, в частности, Ленц 24 февр. 1853, Яноби 7 апр. 1859.

Briefwechsel, стр. 110, 112, 115.